

ЖИЗНЬ его была вроде бы обычной. И — необычная. Странная. Чуть ли не фантастическая с самого начала. С самого рождения. Даже еще до рождения... Это было во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — пятая по счету войны. Тульский помещик из-под Белёва старик А. И. Бунин, отец 11 детей, из которых 7 умерли, провозжал на фронт маркитантом (торговцем солдатского обихода) одного из своих крестьян. Обняв его, он шутливо сказал: «Привези мне, братец, хорошенькую турчанку. Видишь, жена моя совсем состарилась». В сентябре 1770 г. 2-я армия генерал-аншефа графа П. И. Панина штурмом взяла Бендеры. Крестьянин-маркитант захватил в Бендерах в плен, то бишь в рабство, сразу двух молодых турчанок на выбор — Фатиму и Салху. И привез их в подарок своему господину. Фатима вскоре умерла, а красавица 16-летняя Салха крестилась и приняла имя Елизаветы Деметьевны. Вскоре у нее родились подряд три дочери и все умерли. А потом родился сын, который выжил. Его назвали Василием. Хотя после всех этих странных событий семья Буниных на некоторое время распалась, старик помещик не захотел записывать на свое имя незаконнорожденного ребенка. В его доме жил его приятель Андрей Григорьевич Жуковский. И Бунин попросил записать новорожденного на его фамилию и его отчество. Так появился на свет божий ровно двести лет назад Василий Андреевич Жуковский... Но ровно ли двести лет назад? Чудеса продолжались. Сразу два академика — П. А. Плетнев и Я. К. Грот считали, что Жуковский родился на год позже — в 1784 г. В Метрической книге Белёвского уезда стоит дата рождения — 26 января 1783 г. А дата крещения — 30 января. Сам же Жуковский и все окружавшие его в детстве утверждали, что он родился 29 января (по старому стилю).

Второй нонсенс в ранней биографии Жуковского состоял в том, что он оказался если и не тулицей, то весьма и весьма неспособным к учению ребенком. Над ним бились учителя, его били учителя. И все — бесполезно. Ни гувернеры, ни частный пансион Роде, ни релетиторы, ни Главное Тульское народное училище ничего не смогли с ним сделать. И из училища он был отчислен «по неспособности». В то же время уже в 7—8 лет Жуковский начал писать стихи. А в 12 лет сочинил целую трагедию — «Камилл, или освобождение Рима». И был не только автором, но и режиссером, художником, костюмером и актером триумфальной постановки, осуществленной на сцене одного из тульских домашних театров. Вот такие курьезы откладывал мальчик Жуковский... Третий нонсенс в ранней биографии Жуковского состоял в том, что отчисленный «по неспособности» 14-летнего мальчика приняли в одно из лучших учебных заведений Москвы — в Университетский Благородный Пансион. Жуковскому очень повезло. Во главе Пансиона в это время стоял А. А. Прокопович-Антонский, который делал упор на личность каждого ученика и особенное внимание уделял языкам и литературе. И может быть, именно поэтому уже спустя год Жуковский был признан заслуживающим «титла первого во благонаправии и прилежании». Затем он был удостоен серебряной и, наконец, золотой медали. Окончив Пансион с блеском, Жуковский некоторое время тянул служебную лямку в Московской Соляной конторе. А в 1808 г. — в возрасте всего 25 лет — принял на себя редактирование... И чем б вы думали? Одним из лучших журналов России того времени — «Вестником Европы»! Ни больше, ни меньше... А вот и еще один курьез (или, если хотите, финт) начинающего поэта Жуковского — за каких-нибудь десять лет он прошел через то, на что мировой литературе потребовалось бы столетия. Начал он, разумеется, с сухого, казенно-напыщенного классицизма. Точнее, с псевдоклассицизма. (Замечу в скобках, что здесь и далее стихотворные цитаты ради экономии газетной площади я даю в одну строку). Итак, период первый: «Се новый русский Геркулес. Возникну гидру поражаю. Тягчит пятую столбавый Альп, Щитом вселенну осеяет!». Это — явно под Г. Р. Державина. Дальше должны были следовать опыты под И. М. Кaramзина — родоначальника русского сентиментализма с его культом природы, простых людей, интимной душевной жизни. И действительно, спустя всего три года, Жуковский пишет: «Он кроток сердцем был, чувствителен душою — Чувствительным творец награду положил. Дарил несчастьных он — чем только мог слезою: В награду от творца он друга получил». Вольный перевод «Элегий, написанных на сельском кладбище» Томаса Грея стал не только программным произведением молодого поэта того времени. Но и шире — программным произведением всего русского сентиментализма. Жуковский переписал «самого» Кaramзина! И вдруг, спустя еще шесть лет, мы читаем: «Кратко жизни сей страданье: Рай — смиренный воздаянье, Ад — бунтующим сердцам; Будь послушна небесам... «Светит месяц, дол серебрится; Мертвый с девицею мчится! Путь их к келье гробовой. Страшно ль, девица, со мной?». «Что же, что в очах Людмила?.. Ах, невеста, где твой милый? Где вечальный твой венец? Дом твой — гроб; жених — мертвец». Это — «Людмила», первый из трех вариантов переложения и переработки баллады Г. А. Бюргера «Ленора». Это уже — следующий этап истории мировой литературы. Это уже — романтизм. Точнее, преромантизм, с его экзотикой, фантастикой, ир-

рациональностью, тайнами и ужасами, с его увлечением стариной и мифологией. И еще один нонсенс. Что бы мы ни читали у Жуковского из написанного им — все это либо полный перевод, либо переделка, либо переработка... А где сам поэт? Что же он — просто переводчик? Или — еще хуже — подражатель, эпигон? Где же сам поэт? В. А. Жуковский ответил на это прямо и недвусмысленно: «У меня почти все или чужое, или по поводу чужого, и все, однако, мое».

СОВСЕМ скоро, 9 февраля (по новому стилю) мы будем отмечать 200-летие со дня рождения Василия Андреевича Жуковского. Сто лет назад, 29 января (по старому стилю) состоялись общероссийские торжества и празднества в честь 100-летнего юбилея поэта. Чествовался он очень широко и шумно. Шире и величественнее, чем даже юбилеи таких великих поэтов, как А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов. И это не случайно. Ведь Жуковский был не только знаменитым поэтом, но и волею случая — высокопоставленным царедворцем. И посему его юбилей и в Москве, и в Санкт-Петербурге отме-

фотопортретов, автографов и нот, книга эта была роскошной в полном смысле этого слова. Издание было отпечатано тиражом всего 300 экз. и продавалось по тем временам за астрономическую для одной книги сумму — 10 руб. (Замечу в скобках, что я имел удовольствие держать эту книгу в руках. Но ценность ее до сих пор столь велика, что даже в научном читальном зале Библиотеки им. Ленина мне ее выдали из специального шкафа «на ответственного»).

Впрочем, возвратимся к юбилейным торжествам. С кафедры были зачитаны многочисленные приветственные телеграммы из всех концов России и из-за рубежа. Были зачитаны приветствия от «Общества художников» (Жуковский неплохо рисовал, гравировал по меди, сам иллюстрировал свои сочинения), от «Кружка преподавателей» (Жуковский был прекрасным педагогом и воспитателем), от «Пушкинского Кружка». Это последнее приветствие я процитирую: «Память первого учи-

ни Императрицы». Затем — преподавателем русского языка и воспитателем двух великих княгинь и двух великих князю. И, наконец, почти 16 лет он был наставником наследника престола Александра Николаевича — будущего царя Александра II. В первом же параграфе «Плана учения» Жуковский заявляет: «Цель воспитания вообще и учения в особенности есть образование для добродетели». И далее поясняет, что «воспитание образует для добродетели: пробуждением, развитием и сбережением добрых качеств; образованием из сих качеств характера нравственного, обращая добро в привычку и предохраняя от зла». Справился ли со своей задачей Жуковский? Воспитал ли он «доброе царя»? Вопрос в достаточной степени наивный. Но уже то, о чем мечтал и хотел сделать Жуковский на своем нелегком и ответственном посту, заставляет склонить голову перед величием его «идеализма»...

«Мой друг, хранитель — ангел мой, О ты, с которой нет сравнения, Люблю тебя, дышу тобой; Но где для страсти выраженья?.. Тобой и для одной тебя живу и жизнью наслаждаюсь; Тобою чувствую себя; В тебе природе удивляюсь». Жуковский воспитывал и учил не только особ императорской фамилии, но и «простых смертных». Среди его учениц была Маша Протасова. Это ей — единственной, которую он любил по-настоящему всю жизнь, — посвящены только что приведенные строки. В известном смысле можно сказать, что практически все лирическое творчество Жуковского посвящено ей. Но любовь его на протяжении 15 лет, да и во всей последующей его жизни — после трагической развязки, — была несчастной. И не потому, что Маша Протасова не разделяла его чувств. Между любимицами встала тяжелая, суровая фигура религиозной фанатички — Е. А. Протасовой. Дело в том, что если распутать довольно запутанный клубок родственных отношений Жуковского — Маша приходилась ему племянницей. А это, по мнению ее матери, было достаточным основанием для того, чтобы воспротивиться их браку. Не помогла и слава Жуковского как поэта. Не помогла его высокая придворная должность. Не помогло, наконец, даже вмешательство ректора Петербургской Духовной Академии архимандрита Филарета, который не считал этот брак противным религии... Многолетняя переписка Маши Протасовой и Жуковского (им фактически не давали возможности видеться) — это уже роман. Целый роман — увлекательный и трагический, в духе сентиментализма и раннего романтизма. Эта глубоко платоническая любовь постепенно приняла у Жуковского характер чуть ли не «мистического поклонения». «Разве мы с Машей не на одной земле? — писал Жуковский. — Разве не можем друг для друга жить и иметь всегда в виду друг друга? Один дом — один свет; одна кровля — одно небо. Не все ли равно?» Мать увезла Машу подальше от Москвы и Петербурга — в Дерпт (ныне г. Тарту). Оттуда пришел первый удар для Жуковского — по настоянию матери Маша вышла замуж за профессора хирургии Майера. Вскоре последовал и второй удар — во время родов Маша умерла. «Ее могила — наш алтарь веры, — писал потрясенный Жуковский ее матери. — Мысль о ней — религия. Теперь знаю, что такое смерть, но бессмертие стало понятнее. Жизнь не для счастья: жизнь — для души, и, следовательно, Маша не потеряна. Кто возмет ее у души?» Жуковский очень тяжело переживал свою любовную трагедию. «Скорбь о неизвестном, стремление в даль, любви тоска, томление разлуки, — писал биограф поэта А. Архангельский. — остались существенными нотами поэзии Жуковского».

СО ЗДОРОВЬЕМ поэта стало совсем плохо — одышка, слабость, завалы в печени, опухоль ног. Он часто и надолго уезжал за границу на лечение и отдых. В одиночестве или со своим «подопечным» наследником престола. Перед ним мелькали страны и города — Берлин и Париж, Стокгольм и Рим, Копенгаген и Вена, Гаага и Лондон, Мюнхен и Эмс... Ох, уж этот Эмс! Здесь он познакомился с художником Г.-В. фон Рейтерном. А у него была дочь, 19-летняя Елизавета. И Жуковский, как прыгают со скалы в пропасть, сделал ей предложение. Елизавета приняла его. Но Жуковский, видно, позабыл то, что когда-то, в молодости, писал сам: «Ах, поздно старику надеждой обольщаться...». А ведь ему уже было почти 60. И он был на 40 лет старше своей жены. Впрочем, в истории встречаются и более неравные, но тем не менее счастливые браки. Ну а как было у Жуковского? Тяжелобольной поэт женился на... тяжелобольной девушке. Больницы, врачи, сиделки, лекарства, воды... Да еще отчаянный, эмоционально-мистический пиеизм жены. Есть от чего прийти в отчаяние! Но Жуковский не ушел в отчаяние. Он ушел в страстную, самозабвенную работу. Он перевел «Махабхарату», Гомера, Фирдоуси... Он работал. И по своей давней привычке убеждал себя, что все идет хорошо. Что он — счастлив...

Вадим МАРИН.

ПОЭТ И ЦАРЕДВОРЕЦ

ВЫПУСК № 3 (73)

чался как событие небывалого значения. Юбилейные торжества начались в субботу, 29 января, по традиции того времени заупокойной литургией и панихидой в Александро-Невской лавре. (Напомним, что Жуковский умер в Германии, в Баден-Бадене. Но тело его было перевезено в Петербург и предано земле рядом с могилой Карамзина). На следующий день, в воскресенье, состоялось торжественное публичное собрание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Собрание было многолюдным и разношерстным. Здесь можно было встретить великого князя и простого журналиста, президента Академии Наук и мелкого чиновника, ученых и министров, писателей и духовенство. Особо отмечали газеты того времени, что «в числе присутствующих было и много дам». На эстраде, украшенной «роскошной зеленью и живыми цветами» за кафедрой стоял бюст Жуковского. И первыми же словами, сказанными академиком Я. К. Гротом с этой кафедры было предложение о сборе пожертвований на памятник Жуковскому. Министр финансов объявил об ассигновании 1000 руб. на премии за лучшие сочинения о Жуковском. А таких сочинений было уже предостаточно. На первой странице «Московских Ведомостей» от 29 января перечислялись книги, посвященные поэту и вышедшие в 1883 г. Их было пять — пять солидных монографий. Среди которых особенно выделялась «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям». Книга эта была написана большим другом и душеприказчиком поэта доктором медицины, президентом Терапевтической Клиники при Медико-Хирургической Академии Карлом Карловичем Зейдлицем. (О нем сейчас все позабыли. И, пользуясь случаем, хочу напомнить, что доктор Зейдлиц известен в истории медицины не только своей монографией «О чуме», но и непосредственным, практическим участием в борьбе с холерной эпидемией в Астрахани, а также участием — в должности главного врача — в русско-турецкой войне 1828—29 гг.). Другая книга, изданная к столетнему юбилею поэта, — «В. А. Жуковский и его произведения», — принадлежала перу П. Загарина (псевдоним известного русского педагога и филолога А. И. Поливанова. Он вошел в историю педагогики своей частной мужской классической гимназией. В Москве сто лет назад эту гимназию называли «Поливановской»). Книга Поливанова предназначалась для элиты. Большого формата, на прекрасной плотной бумаге, более 600 стр. текста, более 30 огромных

теля Пушкина. Память задушевного поэта сладких грез юности и благородных стремлений к гуманным идеалам человечества. Память незабвенного наставника нашего в мировой поэзии. Память доброго заступника и стоятеля за Пушкина и Гоголя в трудные минуты жизни (добавлю от себя: а также — за Лермонтова, Герцена, Шевченко, декабристов — прим. В. М.) — горячо приветствует Пушкинский Кружок, от души желая, чтоб русский гений находил себе достойную оценку и признание современников и благодарного потомства.

А вечером, в тот же день, 30 января, в Большом театре в Москве был устроен великолепный литературно-музыкальный вечер. Исполнялись отрывки из оперы П. И. Чайковского на слова Жуковского «Орлеанская дева». Читалась драматическая поэма «Камозэнс». Балладу «Светлана» исполнила великая актриса М. Г. Савина в сопровождении «живых картин». Пелись стихи поэта, посвященные Жуковскому. И, наконец, «апофеоз» — венчание бюста поэта и стихи Пушкина к портрету Жуковского, прочитанные драматургом, академиком А. А. Потехиным...

СТО ЛЕТ назад многих простых людей в Жуковском интересовало не столько его поэтическое творчество, сколько необычная история его придворной карьеры и история его несчастной любви и женитьбы. Что поделаешь? Перефразируя известное выражение, можно сказать: каковы времена — таковы и нравы. Именно поэтому у как репортер столетней давности рассказу вкратце об этих двух историях в жизни поэта. Что же касается самой поэзии и поэтики Жуковского, представляю это дело литературоведам. Тем более что с поэзией Жуковского каждый из нас более или менее знаком со школьных лет. Итак, я остановился в рассказе о герое моего очерка на 1810 г. А дальше был — 1812 г. И патриот Жуковский — патриот не только в стихах, но и на деле — уже 12 августа 1812 г. был в рядах московского ополчения в чине поручика. Он участвовал (в меру своих сил) в Бородинском сражении, а затем был причислен к штабу Кутузова при канцелярии. А уже в начале октября Жуковский написал своего знаменитого «Певца во стане русских воинов». Это стихотворение поразило не только весь русский народ. Оно было замечено «в верхах». Сама Государыня Императрица Мария Федоровна выразила желание «получить от поэта автограф этого стихотворения. И пригласила Жуковского в Петербург. Так начиналась его придворная карьера... И ней можно относиться по-разному. И напрочь осуждая. И принимая во внимание нравы и обычаи того времени. И то, что поэт использовал свое высокое положение на пользу не столько себе, сколько другим. И, наконец, то, что будучи в высшей степени высоконравственным человеком, Жуковский в этом же духе воспитывал своих царственных подопечных. Так или иначе, но уже осенью 1815 г. Жуковский был назначен «чтецом Государы-